

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации Стрельниковой Екатерины
Сергеевны на тему «Мифотворчество в ранних произведениях
Владимира Маяковского (1912–1916 гг.)», представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 — русская литература**

Тематический репертуар исследований, посвященных творчеству Владимира Маяковского, в последние годы чрезвычайно широк: трансформация фольклорной традиции, функционирование библейских образов и мотивов, телесность, пространственно-временная организация, контекстуальные связи лирики с литературным процессом первой трети XX в. и даже соотношенность вербального и визуального на обложках книг — вот далеко не полный перечень актуальных направлений маяковедения. Однако при всем многообразии подходов и ракурсов ощутим дефицит работ, в которых творчество поэта рассматривалось бы как единая художественная система — с опорой на адекватный его эпохе категориальный аппарат. Работа Екатерины Сергеевны Стрельниковой как раз и обращена к выявлению «объединяющего начала» поэтики Маяковского (с. 16), каковым, с точки зрения диссертантки, является мифотворчество — и рассмотрение ранних произведений автора под таким углом зрения не позволяет усомниться в научной актуальности исследования. Разумеется, мифологическая составляющая стихотворений поэта изучалась и раньше (и выводы предшественников Е. С. Стрельниковой активно используются), поэтому научную новизну работы следует усматривать прежде всего в обнаружении логики, в соответствии с которой взаимодействуют у Маяковского неоднородные, но равно восходящие к мифу структуры.

В числе очевидных достоинств диссертации отметим релевантность материала по отношению к ее предмету. На первый взгляд, круг текстов, с которыми работает Е. С. Стрельникова, невелик — и действительно, самой

исследовательнице в нем как будто тесно (не потому ли и к концептуально разным суждениям «прилагаются» порой одни и те же поэтические цитаты?). С другой стороны, среди анализируемых произведений не только стихи, но и четыре поэмы, и даже пьеса, а узость хронологических рамок определяется исключительно спецификой художественного развития Маяковского: 1912–1916 гг. — время становления в его творчестве диониссийского неомифа, к концу обозначенного периода завершившееся. Именно диониссийский неомиф позиционируется по отношению к поэтике автора как системообразующий, а другие, развертывающиеся в корреляции с ним, — христианский и инициатический — как подчиненные ему. Впрочем, выяснение особенностей их взаимодействия было бы невозможно без ревизии литературоведческого инструментария, призванной разграничить смежные, но отнюдь не синонимичные понятия.

Терминологическое расподобление таких категорий, как мифологизм и неомифологизм — весомое достижение Е. С. Стрельниковой. Если мифологизм носит объектный характер, предполагая «воскрешение» в произведении уже готовых образов и сюжетов (с. 36), то неомифологизм трактуется как субъектно-ориентированное выстраивание дискурса, основанное на сочетании сопряженных авторской волей культурных контекстов (с. 43). Обоснованным представляется суждение, согласно которому неомиф, в отличие от предельно эксплицированного мифа, проявляется имплицитно и допускает куда более широкий диапазон интерпретаций (с. 41–42). А в свете того, что разнящиеся неомифы реализуются на разных уровнях высказывания и их семантические связи нуждаются в реконструкции, неомифологизм может рассматриваться как литературоведческая методология, целью которой становится «обнаружение и воссоздание неомифологической структуры текста» (с. 44). Подобный способ преодоления терминологической лиминальности обладает большой объяснительной силой и, вероятно, будет востребован научным сообществом; при этом сама лиминальность становится понятийным лейтмотивом работы,

выступая характеристикой как неомифологической системы Маяковского в целом, так и отдельных аспектов ее репрезентации.

Прежде всего, внутренне противоречивым является сам образ Диониса, в котором переплетаются противоположные начала — жизни и смерти, ночного и дневного, женского и мужского, материнского и отцовского и т. д. (с. 92–93). И описание неомифологических практик, и обращение к рецепции идей Ф. Ницше в русской философской мысли, и обрисовка концепции «диониссийского» у Вяч. Иванова — все это свидетельствует о широком освоении диссертанткой самых разнообразных источников, посвященных проблеме мифологического, и о хорошем знании интеллектуального контекста Серебряного века. Однако предпринятый Е. С. Стрельниковой обзор носит не столько аналитический, сколько реферативный характер: авторские акценты в этой части работы сведены к минимуму и проявляются лишь в курсивных выделениях, ставших одной из главных ее стилизованных примет. В результате утверждение, что «мифологические сюжеты и мотивы, преломленные в поэтических опытах разных авторов, при близком рассмотрении оказываются неомифологическими» (с. 46) выглядит априорным, поскольку граница между этими категориями при таком изложении размывается. Что же касается диониссийского архаического мифа, то он представлен в работе скорее как набор признаков, а не целостная система, что несколько осложняет восприятие глав, в которых он спроецирован на литературный материал — а между тем в них сконцентрированы главные исследовательские открытия автора.

Так, антропоцентрическим характером поэзии Маяковского обусловлено выдвижение на передний план фигуры лирического героя — и именно субъектная сфера в плане ее соотносительности с компонентами диониссийского, христианского и инициатического неомифов становится главным предметом анализа. Как особенную удачу выделим здесь весь комплекс рассуждений, посвященных эпифаническому двойничеству протагониста с его отцом-Солнцем (в котором угадывается Зевс), земной матерью (ей соответствует Семела), столь же земной, но холодной и недоступной возлюбленной (в ней

соединены отцовские и материнские черты), наконец, с мирозданием в целом (смысловое ядро мифов о Дионисе — преодоление индивидуации, с. 119–129). Правда, тезис об основополагающем характере диониссийского неомифа в творчестве Маяковского не представляется таким уж бесспорным. Выскажем предположение, что таковым он может явиться в рецепции — и это совершенно законно: исследователь вправе по своему произволению выбирать «точку входа» в поэтический мир. Представление же о том, что все три неомифа взаимообусловлены может быть принято без оговорок: Е. С. Стрельникова убедительно показывает, что, например, христианские коннотации образа боготца соотносимы с диониссийскими интерпретациями его фигуры (в силу таких качеств, как мстительность и жестокость, с. 138–148), а «страстное умирание» и последующее возрождение-воскресение (инвариантный сюжет обоих мифов) приравнивается к инициации (с. 172–181). Последняя справедливо трактуется как акт самопожертвования героя, чреватый выходом из лиминальности и обретением гармонии, наступление которой возможно в будущем (с. 178–179). Отсюда — внимание к хронотопным трансформациям, на основании которых реконструируется неомифологическая модель мира у Маяковского.

По точному наблюдению Е. С. Стрельниковой, субъекту, пребывающему в состоянии перехода, соответствует столь же неустойчивый универсум, характеризующийся противоборством неба и земли, солнца и тьмы, дня и ночи (с. 185). Однако постепенно ночное пространство уступает место дневному, знаменуя если не утверждение аполлонического начала, то движение в его направлении. В диссертации неоднократно повторяется мысль о том, что гармония может быть куплена лишь ценой самопожертвования; нам же важно подчеркнуть, что гармония эта, в конечном счете недостижимая, осмысливается исследовательницей в пространственно-временных категориях — как объединение земного и небесного и приближение «эпохи Духа» (с. 188). Таким образом, Е. С. Стрельниковой удастся доказать, что в ранних произведениях Маяковского, несмотря на его декларативное отмежевание от предшественников, воспроизводится символистская по своей сути модель мира,

основанная на разрешении пространственно-временных (и связанных с ними ценностных) антиномий, где функцию медиатора между крайностями берет на себя лирический субъект. Вопреки тому, что символистский контекст по отношению к творчеству автора в работе целенаправленно не актуализирован, эти наблюдения диссертантки видятся весьма ценными.

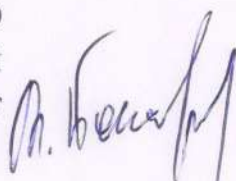
В заключение — несколько уточняющих вопросов дискуссионного характера. Выше уже шла речь о том, что изложению особенностей архаического мифа о Дионисе недостает концептуальности; возможно ли как-то ранжировать его признаки при перенесении на литературный материал (например, выделить как инвариантные, без которых существование «диониссийского» в принципе невозможно, так и вариативные, отсутствие которых не скажется на его восстановимости в тексте)? Кроме того, в работе частотны апелляции к фигуре Орфея, сделанные «впроброс», — однако с учетом ее значимости в культуре Серебряного века хотелось бы прояснить, каково место орфического неомифа в творчестве Маяковского и почему он остался вне зоны рассмотрения. Наконец, не позволяет ли тот факт, что поэтика ранних произведений автора, как убедительно показано в диссертации, способна ассимилировать и перестраивать по собственным законам элементы различающихся мифосистем, говорить о мифическом мышлении как об организующем ее начале?

Сделанные замечания не умаляют научных достоинств работы Е. С. Стрельниковой; это состоявшееся и завершенное исследование, результаты которого имеют теоретическую и практическую значимость, открывая новые грани в творчестве одного из крупнейших поэтов первой трети XX в. Содержание автореферата соответствует основным положениям диссертации, а опубликованные статьи (15, в том числе 1 — в издании, входящем в базу данных “Web of Science”, и 4 — в журналах, рекомендованных ВАК РФ) в полной мере отражают ее содержание. Материалы исследования легли в основу 11 докладов, сделанных на зарубежных, международных, всероссийских и внутривузовских конференциях. Таким образом,

рецензируемая диссертация представляет собой научную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны положения, совокупность которых можно квалифицировать как значимое научное достижение, имеющее важное социальное и культурное значение, что соответствует требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями), а ее автор, Екатерина Сергеевна Стрельникова, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

24 августа 2022 г.

Официальный оппонент —
кандидат филологических наук
(специальность 10.01.01 — русская
литература), доцент кафедры
русской литературы ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»

Бокарев Алексей Сергеевич

А.С. Бокарева

удостоверено

Начальник управления по кадровому
и организационному обеспечению

Коняева Л.В.

24.08 2022

Контактные данные: 150000, Ярославская область, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». Тел.: +7(4852) 30-56-61; e-mail: rector@yspu.org.